

УДК 821.161.1

ОНЕГИН В ЖИЗНИ ТАТЬЯНЫ. ЧАСТЬ II

Никишов Ю.М.

Близится (февраль 2025 года) 200 лет бытования в печати первой главы «Евгения Онегина». Не вдали и 200 лет существования романа в полном виде. Не счесть – столько толкований главных героев накопилось за это время. В ходу и отдельные оценки их устами самого поэта. Между тем целостный взгляд автора на героев в тени. Остаются незамеченными некоторые важные детали. Понять замысел поэта – достойная цель исследователя. Пушкин обозначил вехи понимания героя Татьяной: «теперь яснее», «ясно всё». Таких же ясных толкований эти обозначения не имеют. Во второй части статьи сделана попытка найти авторское понимание жизни сердца героини.

Ключевые слова: Онегин, Татьяна, брак без любви, «заветный клад», «минута злая», блаженство, эгоизм, урок героини.

ONEGIN IN TATYANA'S LIFE. PART II

Nikishov Y.M.

The 200th anniversary of the first chapter of “Eugene Onegin” publication is approaching (February 2025). 200 years of the novel’s existence in its entirety is not so far away. There are countless interpretations of the main characters accumulated during this time. There are also separate assessments of them from the poet himself. Meanwhile, the author’s holistic view of the characters is still in shadows. Some important details remain unnoticed. To understand the poet’s intention is a worthy goal for the researcher. Pushkin outlined the milestones of Tatyana’s understanding of the hero: “more clearly”, “everything is clear”. These designations do not have the same clear interpretations. In the second part of the paper, the author attempts to find how Pushkin understands the heroine’s heart life.

Keywords: Tatyana, Onegin, loveless marriage, “sacred”, “difficult minute”, bliss, egoism, character’s lesson.

Познание Онегина Татьяной продвинулось в заочной встрече с ним в его опустевшей усадьбе; это важнейший рубеж духовного развития героини:

И начинает понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснее – слава Богу –
Того, по ком она вздыхать
Осуждена судьбою властной... [7, с. 129].

Фраза «понимать **яснее**» действует гипнотически. Что парадоксально – она полностью соответствует действительности. Вот только исследователи отправляются искать уточнения на неверном пути. Но вроде именно такой путь подсказан вопросами автора: «Ужель загадку разрешила? / Ужели слово найдено?» [7, с. 130]. А вот – и в **авторской** речи! – обширный перечень «слов»:

Ужели подражанье,
Ничтожный призрак иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?
Уж не пародия ли он? [7, с. 129-130].

Правда, все определения недоброжелательны по отношению к Онегину и все – в форме вопросов, а не утверждений. Но в пушкиноведении очень сильна тенденция противопоставления Татьяны Онегину. Ю.М. Лотман вовсе снял пушкинский знак вопроса и все предположения включил со знаком плюс: «Онегин – "подражанье", "пародия", "ничтожный призрак", "москвич в Гарольдовом плаще"» [4, с. 160]. И.М. Дьяконов отвечает торопливо и безапелляционно: «**разумеется**: "Да, пародия"» [3, с. 95]; аргументы при этом почитаются излишними.

А тут легко допустить ошибку – если игнорировать весьма активный у Пушкина прием дать ситуации не одно (зато верное) объяснение, а несколько, включая контрастные. Л.В. Пумпянский обращает внимание, что в стихотворении «Пир Петра Первого» перечислены семь возможных поводов

для пира, а реальная этого пира – восьмая: царь мирится с Меншиковым. Для чего это обилие гипотез? «...Размышление должно учесть все причинные обертоны – без этого у решения этиологической темы нет тембра» [6, с. 209].

Такой принцип художественного мышления Пушкина Л.В. Пумпянский называет принципом исчерпывающего деления. Уместнее именовать этот принцип альтернативным (художнику нет надобности «исчерпывать» деление, да и не нужны остановки для проверки, в какой степени исчерпаны перечни; объем перечня заведомо окажется субъективным); тут суть в том, что рядом с истинным, реальным объяснением выставляется еще серия объяснений, включая непригодные. Тут урок аналитического мышления для читателя.

В эпизоде «Евгения Онегина» автор предстает просто повествователем, которому приходится излагать и чужие мнения. Здесь это маркировано: «**Москвич** в Гарольдовом плаще». Почему – москвич? Онегин «родился на берегах Невы», на этих же берегах «гулял» с приятелем-автором; поэту ли об этом забыть? Это связи Лариных (видимо, и не только Лариных) тяготеют к Москве, в их «зоне» и Онегин, как всякий горожанин, попадает в москвичи. Наличие в перечне даже одной заведомо неточной детали не понуждает и все остальные подозревать в неточности, но наличие хотя бы одной неточной детали – знак, что и весь перечень бездумно, без проверки принимать не следует.

Есть и еще тропинка, которая приводит к ошибочному толкованию. Несмотря на прямое признание Татьяны-княгини в сохраняющейся ее любви к Онегину, в пушкиноведении активна гипотеза о ее разочаровании в герое. Основа гипотезы – неприязнь исследователей к персонажам представленных в кабинете Онегина книг и отождествление его с ними. Между тем естествен вопрос: Онегину **нравились ли** герои хранимых им книг? Такой вопрос не возникал из-за очевидности ответа: конечно, нравились; иначе, зачем их надо было привозить с собой и держать в кабинете. Утверждал В.С. Непомнящий: Татьяна читала онегинские книги, «которые участвовали в формировании его взглядов на жизнь и созвучны его убеждениям» [5, с. 159].

Отталкивание от собственных размышлений, даже если они разумны сами по себе, рискованны: они могут плохо накладываться на анализируемый текст. С.М. Бонди находит роковую ошибку Татьяны, когда она делает «неверный, скороспелый вывод о причине сходства Онегина с героями прочитанных ею поэм и романов. Она решает, что Онегин просто в своих чувствах и действиях копирует этих героев, подражает им, строит свою жизнь по литературным образцам» [2, с. 33]. Мы не принимаем это предположение, хотя чувствуем его силу: человеку свойственно экстраполировать на других собственные обыкновения, и если Татьяна живет по нормам книжных героев, почему бы ей не допустить, что и Онегин берет в пример – только других героев из других книг. Пушкин, продолжает ученый, иного мнения о герое. «Между тем Татьяна твердо убеждена в правильности своего вывода, и это делает ее положение совершенно безнадежным: она не может разлюбить Онегина и в то же время знает, что это человек, недостойный ее любви, ничтожный подражатель литературных образцов, пародирующий в своем поведении героев модных романов...» [2, с. 34]. Но последнее суждение и делает всю гипотезу нереальной. Татьяна – идейный человек, и у нее ум с сердцем в ладу. Невероятно, чтобы Татьяна любила, если бы ум ее это запрещал.

Татьяна, конечно, с азартом читает сами онегинские книги. Но она находит не косвенный, а прямой путь к возможности видеть **душу** манящего и загадочного для нее человека! «Хранили многие страницы / Отметку резкую ногтей»; на полях «она встречает / Черты его карандаша».

Везде Онегина **душа**

Себя невольно выражает

То кратким словом, то крестом,

То вопросительным крючком [7, с. 129].

Вопросительный крючок – знак сомнения, а не одобрения. Как раз все эти пометы вряд ли отдалили Татьяну от того, кто завладел ее внутренним миром. Даже напротив: они не усилили разочарование до критической точки, а

укрепили не исчезающее очарование героя. «Яснее понимать» означает не разъединение, а сближение героев.

Основы такого понимания заложены еще в критике В.Г. Белинского, писавшего по поводу осознания Онегиным своего сходства с героями любимых книг: «Это еще более говорит в пользу нравственного превосходства Онегина, потому что он узнал себя в портрете, который, как две капли воды, похож на столь многих, но в котором узнают себя столь немногие, а большая часть "украдкою кивает на Петра". Онегин не любовался самолюбиво этим портретом, но глухо страдал от его поразительного сходства с детьми нынешнего века. Не натура, не страсти, не заблуждения личные сделали Онегина похожим на этот портрет, а век» [1, с. 454-455]. Кстати, тут содержится и ответ на вопрос, почему Онегин – не подражатель книжным героям. Подражать можно тогда, когда тянешься за героем, как за идеалом. Онегин угадывает свое **сходство** с героями, подражать которым ему – по размышлении – не хочется (он и порвал с таким образом жизни); уловить с ними объективное сходство – значит обнаружить свойства глубокого, честного ума.

Пушкин сохраняет верность принципам своего повествования. Вновь убеждаемся: он не желает давать готовые решения, а, оставляя ответы на возникающие вопросы на додумывание и выбор читателей, делает изящную подсказку. Обратим внимание на композицию эпизода. Поэт **вначале** изложил итог посещения Татьяной кабинета Онегина, сделал обобщение, что она яснее стала понимать героя, и только **потом** дал перечень (чужих!) его толкований; их-то обычно и воспринимают расшифровкой нового понимания героя Татьяной. А Пушкину нужен читатель размышляющий, но не падкий на готовое.

Татьяна, для которой любовь была главной ценностью жизни, увидела, что не Онегин «плохой», а любовь — не единственная (вершинная!) ценность в духовном мире каждого человека, бывают иные предпочтения. Значение онегинской школы для героини абсолютно точно определено Белинским: «Итак, в Татьяне, наконец, совершился акт сознания; ум ее проснулся. Она поняла,

наконец, что есть для человека интересы, есть страдания и скорби, **кроме** интереса страданий и скорби любви» [1, с. 497].

Именно так! Вот теперь Татьяне станут понятны онегинские слова: «Но я не создан для блаженства; / Ему чужда душа моя...» [7, с. 71] – раньше они не могли восприниматься иначе, как нелепость, фраза. Выходит, герой перед ней не лукавил: иерархия ценностей индивидуальна и разнообразна. Духовное, хотя и заочное общение Татьяны с Онегиным **преобразовало** ее любовь. Теперь Татьяна не только поймет, но и примет образ мыслей Онегина – другие «страдания и скорби, кроме интереса страданий и скорби любви». Теперь она сознательно и отрешенно переступает черту, становится одновременно близкой Онегину и бесконечно далекой от него. Онегин и не подозревал, какую трагическую пропасть между ними он развращает, предлагая Татьяне любовь брата. Она и стала его сестрой. Но теперь другие отношения между ними невозможны. Татьяна по-прежнему продолжает любить Онегина, но эта любовь задвигается в тайники души, чтобы существовать для нее одной; отныне она исключительно духовна и будет избегать даже малейшего выражения в поступке.

Признав право Онегина на иные воззрения, последовав сама свободе выбора, Татьяна освобождает себя от нравственных обязательств перед Онегиным. Теперь, и только теперь, и только поэтому перестает осознаваться как измена любимому брак с другим. Татьяна изменилась не тогда, когда вышла замуж и стала княгиней: это перемены внешние. Их бы тоже не было, если бы в Татьяне **перед тем** не произошли перемены внутренние. В понимании Татьяны брак без любви не являлся нарушением нравственной нормы: это закрепленное традицией выполнение долга. В сознании героини, где-то в запасниках, бытовал брак без любви; об этом упоминается (и тотчас решительно отвергается) в ее письме. Выходя замуж без любви, надо иметь сердце спокойное, а если в нем любовь к другому? Правда, Онегин сам отказался от этой любви и даже советовал полюбить «снова». Татьяну не связывают обязательства перед Онегиным, но тут нужно переступить через собственный внутренний запрет. Теперь смирение «души неопытной волненья» становится возможным. Как

Онегин, она будет искать интересы жизни вне любви; будет помнить и завет няни: «Так, видно, бог велел». «Посещения дома Онегина и чтение его книг приготовили Татьяну к перерождению из деревенской девочки в светскую даму, которое так удивило и поразило Онегина» [1, с. 498].

Татьяна предчувствовала несовместимость идеала и практической жизни. Появление Онегина внесло смятение в ее жизнь, поманило надеждой жить по книжному идеалу, но герой не поддержал ее надежду. Татьяна, обновив идеал, ушла в обычную жизнь, не обольщаясь на ее счет; прежний идеал она сохранила в душе своей как согревающий ее огонек.

Примечательное совпадение: в ту пору, когда Татьяна в душе своей вынашивала очень нелегкий для нее поворот, ее мать приняла совет соседа везти дочь в Москву на ярмарку невест. Девушка не рада такому решению, но и не противится ему.

Что происходит во внутреннем мире Татьяны в то время, которое отмечено резким внешним переходом от провинциальной барышни к знатной даме? Ее натура обнаруживает стойкость. Главное – Татьяна осталась человеком романтического мировосприятия. Сохраняется ее «двоемирие», только перестраиваются его компоненты.

Значительно раздвигает рамки и тем увеличивает свое значение реально-практический мир. Татьяне-княгине надо выезжать в свет, принимать у себя светских знакомых. Если в деревне Татьяна связана с реальным миром минимально и (применяя к Татьяне авторское словцо об Онегине) «нечувствительно», то теперь бытовая жизнь тяжела для нее, «постылой жизни мишура» ее томит. И все-таки Татьяна идет на компромисс и без видимых усилий выполняет пунктуально и безупречно все свои светские и семейные обязанности. Что дает ей силы для такого самообладания, понять нетрудно.

Когда «младые грации Москвы» «в отплату лепетанья» про свои и чужие сердечные тайны требуют ответного признанья, Татьяна...

...тайну сердца своего,

Заветный клад и слез и счастья,

Хранит безмолвно между тем

И им не делится ни с кем [7, с. 138].

Значение потаенного клада Татьяны огромно. Устроился дорогой уголок души, где она была полновластной хозяйкой, на который никто не имел права посягнуть. Там хранилась и ее девичья любовь к Онегину, и няня, и полка книг, и дикий сад, и бедное жилище. Именно этот клад давал Татьяне ту поражающую всех окружающих внутреннюю силу и стойкость в ее безупречном светском поведении: здесь она получала целительный отдых души, зарядку энергии для утомительных практических обязанностей.

Татьяна научилась владеть своими эмоциями. При новой неожиданной встрече с Онегиным на рауте «У ней и бровь не шевельнулась; / Не сжала даже губ она» [7, с. 149]. Сдержанно ведет себя и в княжеском доме при визитах героя. На онегинские письма отвечает внятно – крещенским холодом. Ей довелось и озвучить свою позицию, когда Онегин, настрадавшийся за зиму на самоизоляции, явился в (странно опустевший) княжеский дом утром, во внеурочное для гостей время и находит в домашней половине Татьяну, читающей (**чье-то?**) письмо. Исповедь Татьяны включает разные эмоции и заслуживает детального обзора, но сейчас я ограничусь только установлением итогового, окончательного этапа понимания героиней того, кто покорило ее сердце. Для этого нужно вникнуть в авторскую позицию.

Но разве она не выражена с полной ясностью:

Его больной, угасший взор,

Молящий вид, немой укор,

Ей **внятно** всё [7, с. 160].

Я утверждаю, что и мне внятно **всё**: Татьяна верит в настоящую, глубокую любовь Онегина. Оппонент заявит, что это ему внятно **всё**: Онегин предлагает всего лишь светскую интрижку, на иное не способен, но нравственная Татьяна чурается этого.

Здесь (и не в первый раз) Пушкин не раскрывает ситуацию, а только обозначает ее. Главное слово утверждения местоимение, а оно лишь указывает

предмет, а содержание его развертывают именные части речи, существительные и прилагательные. Какой смысл вкладывает в это «всё» поэт, понять легко – в контексте! За ним далеко ходить не надо: скрытое проясняется обобщением в концовке предыдущей строфы:

Княгиня перед ним, одна,
Сидит, не убрана, бледна,
Письмо какое-то читает
И тихо слезы льет рекой,
Опершись на руку щекой [7, с. 159].

Который раз Татьяна читает это письмо? Да она уж наизусть его, наверное, помнит! А эмоции – как в первый раз: слезы – рекой... Это слезы по когда-то возможному, но не сбывшемуся счастью. Если бы такое письмо получить в деревне! «А счастье было так возможно, / Так близко!..» [7, с.162].

Слезы «рекой» – это знак только веры в любовь Онегина. А если, напротив, Татьяна прозревала бы недобрый умысел ухажера? Тогда бы ей не было надобности хранить письма Онегина. Ладно, случилось такое, захотелось перечитать. Обида на максимуме может выговариваться со слезой в голосе. Вот уж глаза при этом останутся сухими, сердитыми, если не злыми. А Татьяна глядит на Онегина «без гнева».

Слезы Татьяны над письмом Онегина оставались незамеченными. Обратим внимание: тут тоже «перевернутая» логическая связь: сначала следствие («слезы льет») а о причине сказано потом («я вас люблю», но уже безнадежно). Восстановим связь прямую – безошибочно пойдем авторскую позицию, которая недвусмысленна: поэт дает возможность читателю ситуацию обдумать, но ясно обозначает и свою позицию: Татьяна любит Онегина, верит в его не наигранную, а подлинную любовь, горько жалеет, что таковая дозреть опоздала, а теперь когда-то близкое счастье невозможно.

В сущности, происходит выявление иерархии ценностей, которое (по примеру героя) возникало в Татьяне в его усадьбе. Большая разница! Онегин не делал выбора, а просто разочаровался в «науке страсти нежной», новый интерес

нашел в размышлениях о жизни. У Татьяны страшная потеря, но что поделать, если герой отверг ее чувство. Во главу угла теперь поставлен долг. «Я буду век ему верна» [7, с. 162]. (А долг уступал страсти, когда Онегин предстал на ее именинах искусителем).

Романтический мир Татьяны не только обладает светлым обаянием идеала, он обнаруживает и свою неизбежную слабость. Жизнь вторгается даже в охраняемые уголки. Обычно выпадает из поля зрения драматизм финального положения Татьяны. Между тем «минута злая» для Онегина ничуть не менее зла и для Татьяны. В самой близкой перспективе предстояли бы неизбежные и тягостные объяснения Онегина, а следом Татьяны с ее генералом. Вообще говоря, возникает дуэльная ситуация. Ей вовсе не обязательно завершаться дуэлью, но она неизбежно поколеблет внутренний мир Татьяны. Ее заповедный «заветный клад» «слез и счастья» обнаружен и раскрыт, и это неважно, что он не получит широкой огласки (ай, он же широко растиражирован в литературном произведении!), а стал достоянием только самых близких людей: тайник имел смысл только до тех пор, пока о нем не знал никто.

Татьяну мы оставляем в момент острого духовного кризиса, выход из которого предугадать нелегко. Сколь велика для Татьяны потеря ее «заветного клада»? А как теперь устроятся (они были весьма достойными) отношения Татьяны с мужем? Возрастного («толстого») генерала вряд ли интересовала прежняя жизнь молодой жены (равно как и ей не рассказывал о «проказах» прежних лет), он, наверное, не претендовал на пылкие чувства жены, его вполне устраивали спокойные, доброжелательные отношения. У нее нет перед ним вины, но открывшаяся тайная (нынешняя, а не ранняя остывшая!) любовь Татьяны не может восприниматься равнодушно. Не будем гадать, загладится ли (когда и как) эта сердечная травма; подсказок для гипотез нет.

Романтический мир Татьяны изображен таким обаятельным и поэтичным, что даже неловко указывать на его несостоятельность. И все-таки приходится признать: подмена реального мира воображаемым опасна; она может служить

лишь временной формой жизненного компромисса, но таит в себе более или менее острую конфликтную ситуацию и чаще всего оборачивается катастрофой.

Татьяну можно назвать прилежной ученицей Онегина. Но она талантлива по натуре. Ученик превзошел учителя. Она дописывает на знамени слово, которого не было в лексиконе Онегина, – долг. Не будет преувеличением признать, что в этом и состоит урок, который Татьяна возвращает Онегину. Долг – широкое, созвучное «декабристскому» времени (не только ему) слово.

Список литературы:

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7: Статьи и рецензии. Статьи о Пушкине: 1843-1846. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 740 с.; 3 л.
2. Бонди С.М. О романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Пушкин А.С. «Евгений Онегин»: Роман в стихах. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1973. С. 5-46.
3. Дьяконов И.М. Об истории замысла «Евгения Онегина» // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 10. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. С. 70-105.
4. Лотман Ю.М. К эволюции построения характеров в романе «Евгений Онегин» // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 3: Посвящ. Б.В. Томашевскому. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 131-173.
5. Непомнящий В. Книга, обращенная к нам: «Евгений Онегин» как «проблемный роман» // Москва. 1999. № 6. С. 143-173.
6. Пумпянский Л.В. Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 10. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. С. 204-215.
7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука. 1977-1979. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения. 1978. 527 с.

Сведения об авторе:

Никишов Юрий Михайлович — доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь (Тверь, Россия).

Data about the author:

Nikishov Yuri Mikhailovich — Doctor of Philological Sciences, Professor,
Independent Researcher (Tver, Russia).

E-mail: yunik1932@mail.ru.